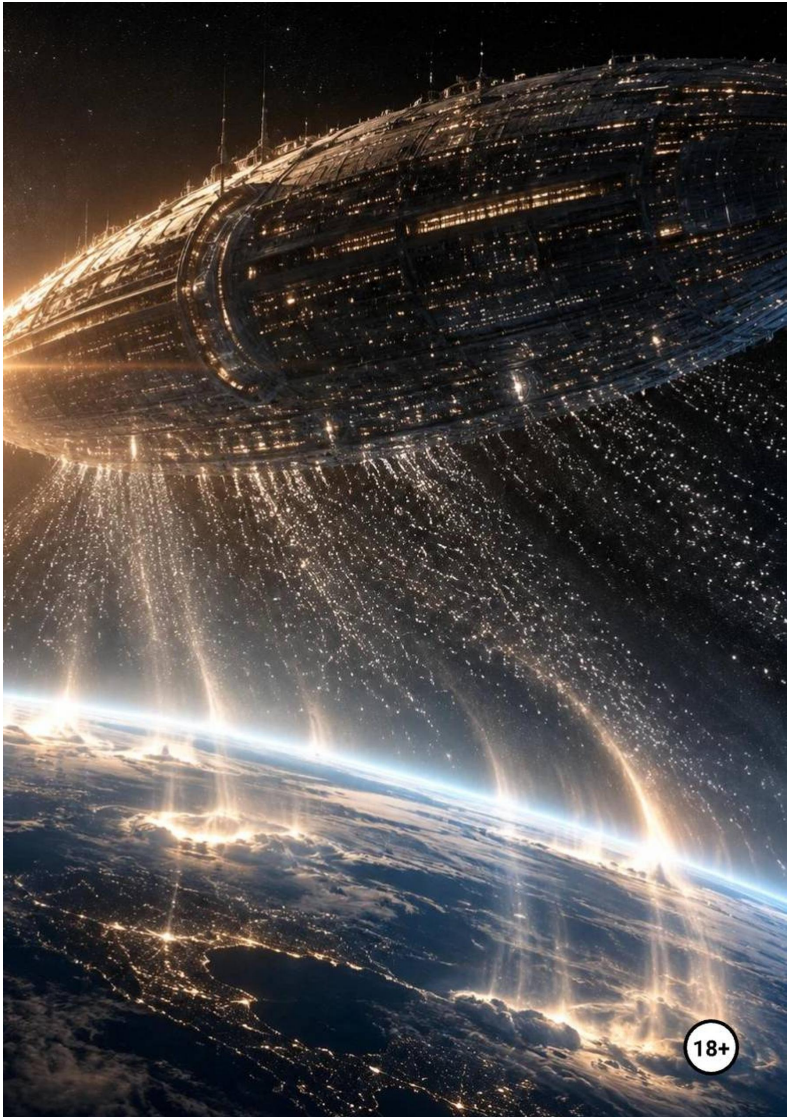
18+

Артем Дукач

"Последняя фантазия вселенной"

https://litres.ru/74916413
SelfPub; 2026

Аннотация

Тринадцать человек пробуждаются в центре стазиса — в тишине, среди мигающих панелей, с ощущением, что проспали не просто годы, а целую эпоху. Первые минуты — растерянность и чужие лица рядом. Но очень быстро простое знакомство превращается в исповедь: за каждым именем — своя боль, свой выбор, свой повод стереть дату пробуждения.

Эон открывает им правду: Вселенная на грани конца, времени почти не осталось. Его план — добраться до её центра, где, возможно, скрывается ключ к разгадке. Для этого нужен корабль, нужна команда — и прежде всего люди, способные слышать друг друга.

Теперь их главная задача — не просто выжить, а стать единым экипажем. Ведь когда мир рушится, спасти что-то большее, чем себя, можно только вместе.

Артем Дукач "Последняя фантазия вселенной"

Глава первая. Пробуждение

Сначала был холод. Потом тихий шум …

Зал стазиса был огромным и тёмным. Вдоль стен стояли тринадцать капсул — глубокие, покрытые инеем, будто их очень долго держали в зиме. Ни экранов, ни гула машин, ни дежурного света. Только тонкая полоска голубого сияния вдоль швов — как будто живое сердце билось где-то глубоко под полом. Но все изменилось о дно мгновение .

Первой открыла глаза Лира. Она села слишком резко, и мир качнулся. Прошло несколько секунд, прежде чем она поняла: тишина — не в её ушах. Тишина была в самом зале.

Последнее, что она помнила: координационный центр, куда она зашла на минуту, а вышла — через одиннадцать лет. Очередь заявок на эвакуацию, растянувшаяся на пол-экрана. Голос дежурного: «Мисс Аверин, капсула готова. Мы не обещаем пробуждение — мы обещаем попытку». Она тогда усмехнулась: «Красиво. Запишу на надгробие». И легла.

— Где интерфейс? — прошептала она, проводя ладонью по мёртвой панели капсулы. — Статус? Диагностика? Хоть что-нибудь…

Панель молчала. Лира ещё раз коснулась её — и вдруг заметила, что дрожит. Не от холода. От самой мысли, что прошло не пятьдесят лет, не сто — а что-то, что уже нельзя назвать словами.

Рядом, с глухим стуком, откинулась крышка второй капсулы. Из неё выбрался мужчина за сорок, с жёстким лицом человека, который привык не верить хорошим новостям. Он сел, прижал ладонь к виску и поморщился — стазис вырывал его из сна грубо, через боль в каждом суставе.

— Тихо, — прохрипел он, хотя Лира уже не говорила. — Слушай. Слушай, как тихо.

— Я умею знакомиться, вообще-то, — сказала Лира, чтобы заглушить страх. — Лира. А ты?

— Кай. Две тысячи сто восьмидесятый год, если тебе это что-то говорит. А если нет — спроси потом. Сейчас важно другое: сколько здесь капсул?

Лира обвела зал взглядом.

— Тринадцать.

— А людей?

— Я вижу двоих. И одну тень у дальней стены.

Тень у дальней стены двигалась. Она стояла спиной к ним, у единственной живой консоли в зале, и её пальцы быстро ходили по клавишам — буднично, привычно, будто это был обычный рабочий день.

Дальше капсулы начали открываться одна за другой, с разными щелчками, как часы, которые долго не работали и теперь не могут договориться о времени.

Из третьей выбрался молодой парень — тонкий, бледный, с большими испуганными глазами за стёклами очков. Он не бросился осматриваться. Он поднял свои руки и долго смот-

рел на них, как на чужие.

Ему было двадцать шесть, когда врач произнёс слово, от которого в его семье молчали даже за столом: «неизлечимо». Тео хорошо помнил тот день — как помнят запах операционной. Он вышел из клиники, сел на скамейку и впервые в жизни понял, что такое «оставшееся время». Оно было крошечным. Потом ему предложили стазис — и «оставшееся время» вдруг растянулось в бумажную полоску без конца.

— Я не должен был проснуться, — сказал он тихо. Не им. Себе. — Я болел. Меня обещали разбудить, когда найдут лекарство. Я просил не будить на полпути… — Он сжал кулаки, потом разжал. — Я здоров. Я здоров, и это меня пугает больше всего.

— Дай руку, — раздался голос от четвёртой капсулы.

Оттуда, не спеша, поднялась пожилая женщина с седыми волосами, собранными в аккуратный пучок. Она не растерялась, не заплакала, не закричала. Она села на край капсулы, протянула руку Тео и двумя пальцами нашла пульс на его запястье.

— Ровный, — сказала она удовлетворённо. — Стазис — штука хитрая: сердце может запустить, а сосуды забыть. Теперь я. Зови Мира. Я была врачом. Инфекционистом. Двадцать лет.

— Инфекционистом? — переспросил Тео и вдруг горько усмехнулся. — Вы бы мне пригодились лет на десять раньше.

— А я тебе, может, пригодилась только что, — спокойно

ответила Мира. — Дыши глубже.

Пятая капсула открылась с таким грохотом, что все вздрогнули. Из неё вылетел парень в лёгкой куртке — и тут же рухнул на пол, потому что ноги его не держали.

— Проклятье! — выдохнул он. — Сколько я спал? Год? Пять? У меня был контракт! Меня ждут на орбите!

— Стой, — твёрдая рука подняла его за плечо.

Это был мужчина с короткой стрижкой и спокойными глазами человека, который просыпается по тревоге уже не в первый раз. Он держал пилота за плечо, пока тот не обрёл равновесие.

— Джет, — сказал пилот, качаясь. — Пилот. Гражданский. А ты?

— Эдан. Дежурство. Не пришли за мной.

— Это всё?

— Это главное.

Джет смотрел на свои руки, на кончики пальцев — на них он опирался о штурвал каждый день девять лет. Он вспомнил последний разговор с сестрой перед вылетом: она смеялась, что будет ждать его у трапа с баннером «Добро пожаловать домой, брат». Она обещала. Она была моложе его на шесть лет. Она не могла не дождаться.

Дальше — Сора. Она вышла из капсулы, не глядя по сторонам, и сразу пошла к стене, где когда-то были панели связи. Провела ладонью по мёртвому экрану. Второму. Третьему.

— Нет сети, — констатировала она. Ни паники, ни слёз — только профессиональное разочарование. — Вообще никакой. Ни внутренней, ни внешней. Ни одной несущей частоты. Как будто планета… умерла.

— Планета не может умереть, — сказал Тарик, поднимаясь из своей капсулы. Высокий, худой, с ранними сединами. — Планета может опустеть. Это разные вещи. — Он посмотрел на потолок. — Стазис без даты выхода… Система ждала внешнего триггера. События. Какого?

— Какого события? — переспросила Лира.

— Я не знаю, — сказал Тарик. — И это меня пугает, потому что я должен был знать. Я подписывал этот проект.

Он произнёс это слишком быстро — как человек, который врёт, не успевая придумать ложь заранее. Зои, уже свободно стоявшая у своей капсулы, посмотрела на него искоса и ничего не сказала. Она умела читать людей почти так же хорошо, как схемы.

Из восьмой капсулы, самой дальней, раздался тихий голос — женщина пела. Полузабытую колыбельную, почти шёпотом. Она открыла глаза, досмотрела куплет до конца и только потом поднялась:

— Простите. Когда слишком тихо, мне кажется, что я всё ещё сплю. А если я пою — значит, я здесь. Ария. Я артистка.

— Красиво, — сказала Зои, вылезая из соседней капсулы — быстрая, смуглая, с коротко остриженными волосами. Она осмотрелась, пересчитала всех глазами — губы её ше-

вельнулись, будто она тихо считала до трёх. — Все на месте. Кроме… сколько нас должно быть?

— Тринадцать, — сказала Лира.

— Значит, нас тринадцать. Я Зои. Я техник. И у меня плохо с готовностью к апокалипсису.

Двенадцатой капсулой занималась Нина — она поднялась медленно, держа в руках тонкую книгу в потёртом переплёте. Книгу она держала так, как держат ребёнка: чуть наклонив, прикрывая локтем от мира.

— Какой сейчас год? — спросила она первым же делом. Голос её дрожал. — Мне нужно знать, какой сейчас год. Я архивист. Я хранила знания. Мне нужно знать, до какого момента их осталось хранить.

Никто не ответил. Потому что ответа не знал никто.

Кроме одного.

Они оглянулись — и тут заметили то, чего не заметили раньше: тринадцатая капсула, в дальнем углу, была не такой, как остальные. Другие были из тёмного глянца, с гладкими швами и логотипами проектов, которые за века стёрлись до бледных теней. А по крышке этой шла полоса заводской маркировки другой эпохи — грубее, простее, как будто её делали в спешке. И на металле — глубокие царапины, будто её когда-то тащили волоком по камню.

Крышка поднялась беззвучно. Из неё вышел мужчина с мозолистыми руками и лицом, обветренным так, словно он провёл всю жизнь под открытым небом — хотя стазис не

оставляет загара.

— Две тысячи сто двадцать третий, — сказал он медленно, привыкая к звуку собственного голоса. — Я Феликс. Я инженер. В моё время планета умирала не от войн — от арифметики. Океаны мелели, почва выгорала, а корпорации продавали людям места в бетонных коробках и называли это спасением. Я строил такие коробки. Красивые. С гербами владельцев на стенах. А потом понял, что строю их не для людей — для денег, которым уже не понадобится воздух. — Он положил ладонь на стену зала, на металл, который за века не тронула ни одна коррозия. — Лёг в стазис без даты. Пусть будят, когда планете станет лучше. Или когда станет хуже настолько, что будет не до гербов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.